

МУСУЛЬМАНСКАЯ

№ 2-Й.

ГАЗЕТА

Письма и подписныя деньги адресуйте С.-Петербургъ, Пушкинская улица д. № 7, кв. 33. Редакция „Мусульманской газеты“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 4 р. — к. „ 1/2 года 2 „ 50 „	Новгородъ, Асхабадъ, Кокандъ, Баку, Тифлисъ, Бахчисарафъ, Симферополь, Ростовъ, Харьковъ, Вильнѣ.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, Пушкинская, домъ 7, „ Уфѣ, Казани, Оренбургѣ, Троицкѣ, Астрахани, Нижнемъ-	АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Спб., Пушкинская, д. 7.

Еженедѣльная общественно-политическая и литературная газета.

Отъ Редакціи:

Во избѣжаніе недоразумѣній, спѣшимъ предупредить подписчиковъ газеты, что „Мусульманская газета“ до новаго года будетъ выходить только въ двѣ недѣли разъ и подписчикамъ, внесшимъ годовую плату теперь-же, вышедшіе до января №№ зачтутся даромъ. Такой постановки требуетъ необходимость организаціи дѣла.

Редакция проситъ присылать статьи и сообщенія, нисколько не стѣсняясь слогомъ и почеркомъ.

До Новаго Года „МУСУЛЬМАНСКАЯ ГАЗЕТА“ будетъ выходить въ двѣ недѣли разъ.

Редакция приглашаетъ сотрудниковъ всѣхъ провинціальныхъ Мусульманскихъ газетъ и вообще интеллигентныхъ мусульманъ принять живѣйшее участіе въ „Мусульманской газетѣ“. Статьи могутъ присылаться, какъ на русскомъ, такъ и на татарскомъ языкахъ.

1912 г. ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ. 1912 г.

Открыта подписка на еженедѣльную

„МУСУЛЬМАНСКУЮ ГАЗЕТУ“,

посвященную интересамъ мусульманъ Россіи.

* Предоставляя свои страницы для каждаго безпристрастнаго взгляда, по скольку онъ касается интересовъ Мусульманъ Россіи „МУСУЛЬМАНСКАЯ ГАЗЕТА“ явится центромъ обмѣна мнѣній по самымъ насущнымъ вопросамъ нашей жизни.

* Все свое вниманіе „МУСУЛЬМАНСКАЯ ГАЗЕТА“ обратитъ на развитіе у Мусульманъ Россіи самосознанія и общественной самодѣятельности.

* Намѣтивъ себѣ въ началѣ же вполне ясную программу, „МУСУЛЬМАНСКАЯ ГАЗЕТА“ неуклонно будетъ проводить ее въ жизнь.

* Являясь органомъ совершенно **НЕЗАВИСИМЫМЪ** отъ какихъ-либо группъ или организацій, „МУСУЛЬМАНСКАЯ ГАЗЕТА“ будетъ вести свою прямую намѣченную линію, свободная отъ какихъ бы то ни было вліяній.

* „МУСУЛЬМАНСКАЯ ГАЗЕТА“ будетъ освѣщать всѣ нужды Россійскихъ Мусульманъ и всячески стараться обратить на нихъ вниманіе, какъ Русскаго Общества, Государственной Думы, такъ и Правительства.

* Наша программа минимумъ имѣется въ передовой статьѣ № 1 и желающіе узнать содержаніе таковой могутъ найти только въ означенномъ номерѣ.

* Къ участию въ газетѣ будутъ приглашены всѣ литературныя и общественныя силы, имѣющіяся у насъ.

Общемусульманскимъ вопросамъ и Шаріату въ каждомъ номерѣ будетъ посвящаться непременно хоть одна статья.

30-го октября.

Моральную поддержку мы уже получили. Съ чувствомъ полного удовлетворенія за ту радушную встрѣчу перваго номера нашей газеты всей читающей мусульманской Россіей, что выразилось въ массѣ привѣтствій, какъ въ Редакцію, такъ и во всей мусульманской печати, мы спѣшимъ выпустить этотъ второй №, въ увѣренности, что, какъ онъ, такъ и всѣ послѣдующіе номера явятся яркими продолжателями взятаго нами направленія, ни на іоту не отступающаго отъ намѣченныхъ путей. Пессимисты всякихъ сортовъ и родовъ могутъ говорить что имъ угодно, но мы будемъ работать и работать, вѣря въ дружную помощь

всѣхъ братьевъ нашихъ къ укрѣпленію существованія единеннаго въ своемъ родѣ мусульманскаго органа. Путеводной звѣздой намъ въ своемъ стремленіи къ полученію культуры и ея возвеличенію, должна служить та же яркая звѣзда Востока, которая свѣтила славной стаѣ ученыхъ, поэтовъ и государственныхъ дѣятелей временъ расцвѣта Багдадскаго Халифата; она, эта звѣзда должна свѣтить намъ также, какъ свѣтила великимъ строителямъ безсмертныхъ твореній искусства—мечети Аль-Гамбры въ Гренадѣ и Тадж-Магала въ Индіи; она должна свѣтить намъ также, какъ свѣтила могущественнѣйшему и просвѣщеннѣйшему изъ Халифовъ—Аль-Маамуну, когда онъ, побѣ-

дитель, заключилъ миръ съ побѣжденными имъ греками за присылку къ нему лишь одного выдающагося мудреца—ученаго Греція; она должна свѣтить намъ такъ, какъ свѣтила правителямъ дикихъ монгольскихъ ордъ въ то время, когда эти правители считали церкви и духовенство покореннаго русскаго народа—неприкосновенными.

И единственный путь къ тому, чтобы эта свѣтлая взвѣзда вновь повернулась къ намъ своимъ лучезарнымъ ликомъ, просвѣтляя нашу умъ и душу, это—итти безостановочно и смѣло къ просвѣщенію. Только безконечная любовь и стремленіе къ знанію какъ то было во времена, когда призывы Ислама не были придушены нахлынувшими потоками язычества изъ глубины Азіи, только онѣ гарантируютъ намъ равноправное и блестящее существованіе какъ одной изъ группъ культурнаго человѣчества.

Колесо исторіи неустанно вертится и нѣтъ того волшебнаго мага, который, однимъ движеніемъ своей палочки, могъ бы остановить его.

Языческой миръ древней Греція со всей ея культурой и величіемъ, не только пришелъ въ упадокъ, но навсегда палъ и исчезъ. Перенявъ отъ нея многое, сохранивъ и прибавивъ кое въ чемъ новое, миръ первыхъ временъ Ислама—далъ варварской тогда христіанской Западной Европѣ очень многое.

Историческіе факты нельзя опровергнуть. Затѣмъ, мусульманскій миръ и его культура, подъ натискомъ монгольскихъ ордъ, пришли въ упадокъ и на смѣну ему явилась культура Европы, которая неимовѣрно шагнула впередъ, но что ожидаетъ и ее, мы также не знаемъ.

Будемъ же работать и стремиться къ лучшему, чтобы вновь подняться изъ пепла.

Саидъ-Габіевъ.

Псевдо-либеральному „Русско-му Слову“ и К°.

Много, много позорнаго и печальнаго въ жизни; и не скоро, навѣрное, увидитъ еще человѣчество ту дѣйствительно свѣтлую, радующую всѣхъ зарю челоуѣчности. Но мы, мусульмане, все же твердо вѣря въ это, всѣ силы будемъ употреблять къ ускоренію наступленія таковой, а пока что, намъ хочется сказать нѣсколько теплыхъ словъ до-нельзя зарвавшимся „сытинскимъ молодцамъ“ и сказать имъ въ лицѣ прославленнаго „гуманиста“ (?) господина Дорошевича. Стыдно, ей Богу, стыдно вамъ, господа „сытинцы“! До чего вы дошли въ своемъ челоуѣконенавистничествѣ, въ своемъ безобразно славянофильскомъ увлеченіи. Вы, которые мните себя quint essencіей либерализма русской интеллигенціи; вы—пишущіе сотни крупно гонорарныхъ строкъ о свободѣ и правѣ, вы, упрекающіе Дубровинныхъ, Марковыхъ и Пуришкевичей въ зоологическомъ націонализмѣ; вы, якобы, похваляющіе „политическаго авантюриста Гучкова-Балканскаго; вы, оказавшись тѣми же молодцами толкучихъ рядовъ старой противъ-татарской Москвы. Въ своихъ дикихъ выкрикахъ и злобныхъ шипѣніяхъ противъ мусульманъ и „полумѣсца“, вы дошли до того, до чего никогда не доходила, даже сама „порабощенная турками славянская раія“;—вы призывали христіанъ, со страницъ своего не „русскаго“, а „вашего слова“, не помогать раненымъ туркамъ. Правда, васъ хорошо отчитали въ вашей же Москвѣ „Русскія Вѣдомости“ и „Утро Россіи“, но для васъ этотъ плевокъ—Божья роса. Продолжайте попрежнему злобно и подло играть на болѣе податливыхъ струнахъ хорошаго русскаго народа, но мы, мусульмане, уже раскусили васъ, дали настоящую оцѣнку вашему грошевому, съ позволенія сказать, либерализму. Вы упустили, милостивые государи, народженіе въ Россіи общественной мысли и у мусульманъ, также, какъ вы упустили лукавая Европа новыя силы на Балканахъ. Вы думали, что вашъ челоуѣконенавистнической бредъ о „новомъ крестовомъ походѣ“ пройдетъ фуксомъ. Вы и не воображали о томъ, что въ Россіи есть читающіе мусульмане, которые могутъ протестовать? Протестъ 37 московскихъ интеллигентныхъ мусульманъ противъ вашихъ антимусульманскихъ выходокъ—есть протестъ всего русскаго двадцатимилліоннаго мусульманства, которое, слава Богу, уже прозрѣваетъ.

Можно быть славяниномъ и даже „истинно-славяниномъ“, каковымъ вы

и являетесь на манеръ нашихъ „истинно-русскихъ“; можно сочувствовать своимъ соплеменникамъ, а тѣмъ лаче „порабощеннымъ“; можно быть ярмымъ и неистовымъ туркофобомъ, но трогать ни въ чемъ неповинный Мусульманскій Миръ совершенно ни къ селу, ни къ городу. Если Фердинанду Кобургскому захотѣлось возвеличить свой, принятый изъ рукъ чуждаго ему народа, тронъ и закрѣпить его за своимъ потомствомъ, прикрывая эту свою мечту заступничествомъ за „угнетаемую Македонскую братію“, то въ этомъ мы, мусульмане, менѣе всего повинны. Ругая турокъ и призывая громы и молніи на головы мусульманъ, „нежизнеспособнаго Ислама“ и „полумѣсца“, вы забыли прочесть одинъ изъ лучшихъ современныхъ политическихъ документовъ—приказъ Назимъ-паши къ турецкой арміи и манифестъ Султана о войнѣ. Вамъ отлично извѣстно, на что способны мусульмане. Въ рядахъ доблестной русской арміи—десятки тысячъ мусульманъ, изъ которыхъ каждый считаетъ честью умереть за отечество—Россію. А вы гордитесь тѣмъ, что среди плѣнныхъ изъ турецкой арміи большую часть составляютъ христіане. Кто же они? По нашему, подлые измѣнники, нарушившіе присягу вѣрности своему государю и отечеству. Вѣжать къ врагу, бѣжать въ самую тяжелую минуту для отечества, внося полную дезорганизацію и въ остальную массу рѣдѣющей арміи, это по вашему хорошо, иначе вы не печатали бы хвастливо сотни телеграммъ съ войны объ этомъ. Честные люди, если они поработены отечествомъ—возстаютъ и съ оружіемъ въ рукахъ защищаютъ себя. Если же нѣтъ возможности защитить—навсегда покидаютъ нелюбимый край, но не бѣгутъ въ ряды враговъ, покидая позиціи. Спасибо бывшему священнику Григорию Петрову за то хоть, что въ его статьѣ „Грѣхи отцовъ“ проскальзываетъ порядочная нотка. Что же касается статьи Д. Философова, то о его „прошеніи“ я даже и говорить не хочу. Что вы простили мусульманамъ?

Итакъ, разжигайте, господа „сытинцы“ народную страсти, играйте на слабыхъ струнахъ темной массы русскаго народа, мы мусульмане, все равно останемся тѣмъ же, чѣмъ были и есть. Будемъ вѣрны своему Отечеству, какъ всегда, готовые умереть за честь и славу его; будемъ нести свою лепту, какъ на „красный полумѣсяцъ“, такъ и на „красный крестъ“ одинаково, ибо мы не только хотимъ, но жадеемъ братства, единенія челоуѣчества, уничтоженія челоуѣческихъ боенъ разъ навсегда.

Если вамъ, „сытинцамъ“, незнакомы идеалы, завѣщанные намъ—своимъ по-

сѣдователямъ, великимъ арабскимъ пророкомъ Магометомъ, то мы ихъ хорошо знаемъ. Гуманизмъ XVI вѣка, появившійся какъ протестъ противъ инквизиціоннаго средневѣковья Европы, всегда былъ близокъ мусульманскому міру. И если кое-какія дѣянія еще тогда языческихъ монгольскихъ ордъ, разрушившихъ и самый халифатъ съ ея культурой, вамъ кажутся страшными, то это нечего приписывать намъ всѣмъ мусульманамъ.

Что же касается того, насколько дѣньгъ вашъ политической здравый смыслъ, то онъ, по нашему разумѣнію, слишкомъ убогъ, ибо, любя Россію и своимъ перомъ служа ей, вы не стали бы своими дикими завываніями раздражать мусульманскій міръ въ громадномъ большинствѣ своемъ граничащей съ Россіей.

Р. С. Нужно замѣтить, что „Русское Слово“ оскорбляетъ чувства мусульманъ не впервые. Исторія съ писаніями Немировича-Данченко и поэта Бальмонта, еще на памяти у русскихъ мусульманъ. Разница только въ томъ, что сейчасъ культивировка чужденцевъ-ненавистничества „господами сѣтицами“ дошла до высшей точки.

Саидъ Габиевъ.

С.-Петербургъ.

Еще къ Балканской бойнѣ.

Торжествуетъ всепожирающей Молохъ и дико ликуетъ ненасытный кровяникъ Марсъ.

Балканы объята пожаромъ. Безумно проливается кровь десятковъ тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ молодыхъ лучшихъ жизней. И это во имя чего? Намъ кричатъ во имя свободы, во имя человѣческихъ правъ и т. д. Но думается, что это только красивая фраза, за которыми скрывается весь смыслъ безумной балканской бойни—ненасытный большой аппетитъ маленькихъ Балканскихъ союзниковъ. Изъ всей страшной неразберихи безчисленныхъ агентскихъ сообщений и извѣстій отъ „собственныхъ корреспондентовъ“ тысячу разъ сообщающихъ о паденіи одной и той-же укрѣпленной позиціи турокъ и ихъ полномъ разгромѣ, безъ чувствительныхъ потерь для славянъ, изъ всей этой неразберихи намъ ясно только одно, что болгарскимъ „братушкамъ“ и войнамъ Карагеоргиевича, коимъ не дадутъ по-

роя лавры Мильгала, достаются побѣды не такъ ужъ дешево, несмотря на то, что Турція не успѣла мобилизовать и выставить въ поле даже 1/4 своей арміи военнаго времени. А если принять во вниманіе еще и то очень важное обстоятельство, что вся дезорганизация въ турецкую армію вносится ея же бѣгущими и не стрѣляющими во враговъ—солдатами христианами, то вполне будетъ ясна настоящая дѣла союзническихъ побѣдамъ греко-славянъ.

Еще впереди сильная изъ турецкихъ позицій—Чагладжа, гдѣ должно разыграться настоящее дѣло. Неподготовленные къ войнѣ, немобилизовавшиеся вполне турки еще успѣютъ показать былую доблесть своихъ предковъ если даже и тутъ потерпятъ поражение именно у самыхъ воротъ Стамбула, подлѣ отраженными, съ куполовъ Ая—Софіи, лучами солнца, не разъ освѣщавшаго путь побѣды грозныхъ для всей тогдашней Европы—янычаръ.

Упорно пишутъ, что взвѣсивъ въ свои руки бразды правленія Имперіей Камилъ паша проситъ вмѣшательства державъ, проситъ мира.

Все можетъ быть. Не знаемъ. Но что турки никогда не забудутъ этого внезапнаго коалиціоннаго наскока, это для насъ ясно, какъ Божій день. Увлеченные своими побѣдами, надъ застигнутымъ врасплохъ врагомъ, зарвавшися Балканскія государства и растерявшися лукавая европейская дипломатія сдѣлаютъ то, что спустя необходимое время, турки снова вернутся на Косово и повторятъ его. Уйти въ Азію опять, туркамъ, если они того сами пожелаютъ, не такъ трудно, но, уходя, они, на память грядущимъ вѣкамъ, оставятъ на Балканахъ много, много памятниковъ своего былаго величія тамъ.

Но, наврядъ ли турки захотятъ уйти съ Европейскаго материка, это—не въ ихъ интересахъ. И какія бы завыванія голодныхъ шакаловъ не стояли надъ Балканами, турки останутся тамъ.

Араби.

Музыка пустыни.

Рассказъ Роберта Хитченса.

(Переводъ съ англійскаго А. Д. „Р. С.“)

Я не суевѣренъ. Суевѣренъ житель пустыни. Много у него странныхъ и жуткихъ повѣрій. И когда вы живете въ сосѣдствѣ съ нимъ, наблюдаете его въ повседневномъ обиходѣ, слушаете его драматическія рассказы о сѣяніи, звукахъ и видѣніяхъ въ Сахарѣ, вамъ кажется часто, что собственный вашъ логическій разумъ поколебленъ. Вліяніе ли это удивленія, широкихъ пространствъ? Кто знаетъ? Несомнѣнно лишь то, что въ Сахарѣ вы вѣрите въ то, чего не допускаете въ Лондонѣ, и иногда самыя обстоятельства какъ будто убѣждаютъ васъ въ томъ, что вѣра ваша не лишена была основанія.

Изъ всѣхъ таинственныхъ рассказовъ Сахары воображеніе мое наиболѣе поразило повѣріе о музыкѣ пустыни.

Жители Сахары увѣряютъ, что вдали отъ чужбѣскихъ жилищъ, среди песчаныхъ дюнъ, путешественники слышатъ часто громкіе удары или глухіе перекаты бубенъ. Озираются кругомъ,—ничего и никого не видятъ, а таинственная музыка продолжается. Тогда, если эти сыны пустыни, они поручаютъ себя Аллаху, ибо знаютъ, что несчастье неминуемо и одинъ изъ нихъ осужденъ на смерть.

Мнѣ часто приходилось слышать рассказы о катастрофахъ, которымъ предшествовали эти звуки бубенъ. И однажды ночью, въ Сахарѣ, мнѣ привелось быть свидѣтелемъ событія, котораго мнѣ не забыть никогда.

Въ одинъ осенній вечеръ я спускался въ сопровожденіи араба и негра съ небольшой горы въ Сахарѣ. Передъ нами лежала небольшая деревушка—Сиди-Масарли. Я былъ на лошади съ самой зари, усталъ, проголодался. Свѣжій, нѣсколько рѣзкій воздухъ, открытое чистое небо, пустынная голыя поля навѣяли на меня смутную печаль, точно загипнотизировали меня.

Ночь надо было провести въ Сиди-Масарли. Деревушка эта состояла изъ пяти-шести лагучъ съ крышами и две-

рями изъ пальмоваго дерева и небольшой группы пальмъ. Немного поодаль стоялъ небольшой домъ съ черепичной крышей, гостиница, или барджи, гдѣ мнѣ предстояло провести ночь. Кругомъ тянулась пустыня. Беззвучно было, безлюдно. Вѣтеръ дулъ надъ непривѣтливой деревушкой. По нему разливался желтоватый вечерній свѣтъ.

Вдругъ лошадь моя громко заржала. На противоположномъ холмѣ показалась бѣлая лошадь, въ воздухѣ затрепетала красная плащъ. Къ гостиницѣ приближался другой путешественникъ, солдатъ. Я тотчасъ уловилъ звонъ его шпоръ и трение высокихъ красныхъ штиблетовъ объ острое сѣдло. На длинной веревкѣ, прикрѣпленной однимъ концомъ къ сѣдлу, тяжело, устало, какъ загнанный звѣрь, бѣжалъ человекъ.

Мы одновременно въехали въ деревушку и одновременно остановились передъ забѣжымъ домомъ. Въ дверяхъ тотчасъ показался кривой арабъ съ огромнымъ ключомъ въ рукахъ. Онъ пристально взглянулъ на меня и освѣдомился у моего спутника, кто я и откуда я ѣду.

Но все мое вниманіе сосредоточено было на солдатѣ, на спай * и его плѣнникѣ. Этотъ спай былъ великолѣпный мужчина, настоящій орелъ пустыни. Онъ недвижно сидѣлъ на своей пылкой лошади, какъ статуя, и спокойно разглядывалъ меня въ ожиданіи служителя гостиницы.

Взглядъ мой остановился затѣмъ на человекѣ, привязанномъ къ его сѣдлу. Это тоже былъ великолѣпный типъ, великанъ, чудеснаго сложенія, съ лицомъ сфинкса. Спаи дернулъ веревку, къ которой онъ былъ привязанъ. Плѣнникъ приблизился къ лошади и, уловивъ въ это мгновеніе мой взглядъ, жалобно взглянулъ на меня, и, протянувъ руку, сказалъ по-арабски, тихимъ, мелодичнымъ голосомъ:

— Дайте мнѣ папироску, сиди **).

Я открылъ папиросницу и далъ ему папиросу. Одновременно я другую далъ солдату. Такимъ образомъ, мы заключили знакомство.

*) Спаи—египетскій солдатъ.

**) Господина.

Р. С. На открытій недавно супругой турецкаго посла въ Петербургѣ — Турханъ-паша—сборъ въ пользу „Краснаго полумѣсяца“, отзываются пожертвованіями отовсюду. Съ своей стороны редакция нашей газеты проситъ мусульманъ нести свою братскую посылную лепту въ пользу несчастныхъ раненныхъ воиновъ, принужденныхъ умирать на поляхъ же сраженій отъ отсутствія санитарной помощи. Есть надежда, что подобныя примѣровъ чужбѣколобія проявить еще не мало мусульманъ.

Мусульманская фракція въ Государственномъ Совѣтѣ.

Плохи дѣла Ахмета. Совѣтъ обдѣлать. Долго тянется дѣло въ Петербургѣ. И когда кончится—никто не знаетъ.

Но спасибо доброму чужбѣ, который сказалъ: Поѣзжай, Ахметъ, лучше въ Петербургъ. Пойди тамъ къ своимъ депутатамъ-мусульманамъ во фракцію, которая въ Думѣ, да расскажи свое дѣло. Они тамъ большіе люди и помогутъ тебѣ въ твоёмъ дѣлѣ.

Обрадовался Ахметъ доброму совѣту, продалъ послѣднюю лошадь и поѣхалъ въ Петербургъ.

Сколько натерпѣлся Ахметъ прежде чѣмъ добрался до своихъ депутатовъ. Но, слава Богу, нашелъ ихъ.

Объяснилъ депутаты сдѣлать все, что только можно.

И вотъ, прошли долгіе дни, но не везетъ бѣдному Ахмету: ничего не могли сдѣлать думскіе депутаты.

Упалъ духомъ Ахметъ. Долго думалъ, какъ дѣлу помочь. И такъ какъ Ахметъ не былъ глупъ, то онъ нашелъ средство, какъ быть: „Есть Дума, но, вѣдь, есть и Государственный Совѣтъ. Въ Совѣтѣ депутаты еще важнѣе—больше денегъ получаютъ.“

И пошелъ Ахметъ въ Государственный Совѣтъ. Большой домъ, хорошій домъ. И важныя люди тамъ сидятъ. Подошелъ робко Ахметъ къ подъѣзду и все не рѣшался войти.

Но собрался съ духомъ: свои, вѣдь, тамъ есть люди и въ обиду не дадутъ. Важный человекъ съ огромными медалями сердито посмотрѣлъ:

— Тебѣ чего еще надо? Но не смущайся Ахметъ, не забудь отъ сердитаго окрика, что тутъ недалеко свои люди сидятъ:

— А мнѣ бы нашего депутата надо.

Кривой арабъ увелъ нашихъ лошадей на конюшню, и пока мои слуги готовили мнѣ въ домѣ ужинъ и постель, я завелъ разговоръ съ спай. Онъ недурно говорилъ по-французски.

Онъ рассказалъ мнѣ, что везетъ въ дальній городъ Эль-Арба, человекъ, привязаннаго къ его сѣдлу.

— Это убійца,—спокойно добавилъ онъ.

Я взглянулъ на человекъ, вытираваго рукою потъ съ лица. Онъ улыбнулся и утвердительно кивнулъ головой.

— Онъ понимаетъ французскій языкъ?

— Немного.

— Что же онъ, преступленіе совершилъ?

— Да, въ Тунисѣ. Онъ тамъ мясникомъ былъ. Онъ зарѣзалъ человекъ...

— За что?

— Не знаю хорошенько. Изъ ревности, быть можетъ... Кто его знаетъ. Въ Тунисѣ жарко. Тому уже пять лѣтъ, онъ все время въ тюрьмѣ былъ. А теперь вотъ... помилованъ, но въ Тунисѣ ему жить запрещено. Ахъ! И не охота же ему было убѣжать! Онъ влюбленъ въ танцовщицу Аишу, которая танцуетъ въ приморскомъ кафе. Онъ умолялъ, чтобы его оставили въ тюрьмѣ, только бы изъ Туниса не убѣжалъ. Онъ ея не видаль, но находился въ томъ же городѣ: это уже значило что-нибудь... Первый день онъ бѣжалъ за моею лошадью и клялъ меня за то, что я увезъ его. Но теперь у него горло полно песку. Онъ едва плетется отъ усталости. Оттого только онъ больше не клянетъ меня.

Плѣнникъ великанъ опять улыбнулся мнѣ. Несмотря на огромный ростъ и внушительныя черты, видъ у него былъ крохотный и покорный. Исторія его любви къ танцовщицѣ Аишѣ, его желаніе остаться подлѣ нея, хотя бы въ тюрьмѣ, растрогали меня. Видъ его жалко было...

— Надвигалась ночь. Въ небѣ зажглись несмѣтные огни. Меня охватило желаніе уйти отъ людей, отъ людскихъ жилищъ и остаться одному съ великимъ одиночествомъ пустыни. Я всталъ съ намѣреніемъ выйти за ограду поселка, на горку, съ которой видны были милы пространства и да-

Смягчился немного строгій чужбѣкъ. — Кого же нужно? Какъ фамилія? Ахмету все равно какой будетъ депутатъ:

— Какого-нибудь мусульманина.

— Какого такого мусульманина?—сердито отозвался чужбѣкъ.

— Да депутата изъ мусульманской фракціи.

Совѣтъ освирипѣлъ чужбѣкъ на Ахмета:

— Никакой такой тутъ мусульманской фракціи нѣтъ!

Растерялся Ахметъ, но нашелся:

— Ну, не изъ фракціи, то хоть такъ просто мусульманина-депутата.

Но сердитый чужбѣкъ повернулся бѣднаго Ахмета за плечи и шипитъ ему въ уши:

— Проваливай откуда пришелъ. Никакихъ такихъ тутъ депутатовъ и не бывало.

Постоялъ Ахметъ, поглядѣлъ на высокое зданіе на огромной площади и все же не повѣрилъ:

— Не пускаютъ туда—вѣрно плохо одѣтъ...

И. Ахметовъ.

Наша жизнь.

«Терджиманъ» и И. Гаспринскій.

Тридцать лѣтъ упорной, кропотливой и отвѣтственной, передъ совѣстью, обществомъ и властью, работы прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи началось изданіе „Терджимана“. Въ атмосферѣ полнаго безлюдья, общественной мусульманской мысли и идеаловъ въ Россіи, „Терджиманъ“ былъ первой, еле оперившейся ласточкой грядущей весны культурнаго пробужденія мусульманъ Россіи.

Робкіе и неуверенные шаги за всѣ тридцать лѣтъ своего существованія; зовъ безъ смѣлыхъ призывовъ; но культурная работа сдѣлана.

Можно быть какіхъ угодно мнѣній о степени цѣнности сдѣланнаго, но фактъ останется фактомъ.

Скромныя силы Исмаила Гаспринскаго сдѣлали скромное, но хорошее дѣло. И теперь, когда его „Терджиманъ“ началъ выходить ежедневнымъ изданіемъ отъ души привѣтствуемъ, какъ его самого, такъ и маленькій органъ. Отъ души желаемъ имъ побольше еще многаго, многаго лѣтъ благоденствія, а органу еще большаго распространенія по всей мусульманской Россіи.

Саидъ.

Памяти нашихъ дѣятелей.

Али-Аскаръ Шахъ-Айдаровичъ Сыртлановъ.

(Членъ Госуд. Думы 3-го созыва отъ Уфим. губ.)

Еще такъ недавно въ безвременную могилу сошелъ одинъ изъ молодыхъ общественныхъ дѣятелей Мусульманской Россіи—А. А. Сыртлановъ. Бывшій военный юристъ, покойный, послѣ защиты дѣла г. Коноплянниковой, вышелъ въ отставку въ чинѣ подполковника и приписался къ сословию Петербургской адвокатуры. Будучи хорошимъ юристомъ и имѣя немало дѣлъ, А. А. Сыртлановъ продолжалъ заниматься адвокатурой и по избраніи членомъ 3-й Гос. Думы. Выступая по важнѣйшимъ вопросамъ и вхождая въ различныя комиссіи отъ Мусульманской фракціи, покойный Уфимскій депутатъ дѣлалъ послыно свое интеллигентное дѣло защиты мусульманскихъ интересовъ. И мы—мусульмане, за одно съ родными его не можемъ не скорбѣть объ этой безвременной утратѣ. Утра та тѣмъ болѣе для насъ, что наша общественная сила такъ еще бѣдна интеллигентами, особенно же видными, талантливыми.

Да будетъ легка ему земля! И надъ этой могилой не станемъ мыть, а удесятеримъ свою работу на благо ждущихъ нашей братской, культурной помощи, мусульманской массы Россіи.

Араби.

Джемаль-эддинъ Дагестани.

21-го Октября с. г. исполнится ровно годъ со дня кончины одного изъ первыхъ въ мусульманской прессѣ дагестанцевъ-журналистовъ Джемаль-эддина Дагестани.

Покойный Джемаль-эддинъ, писавшій еще и въ Тифлисскомъ „Шарки-Русь“, послѣднее время, передъ кончиной, состоялъ въ Баку секретаремъ редакціи газеты „Сада“, гдѣ онъ помѣщалъ свои статьи подъ псевдонимомъ „Фани“.

Вопросы и нужды Дагестана, черезъ покойнаго „Фани“ проникали въ печать и послыно освѣщались, что до него рѣдко кто и дѣлалъ. Въ этомъ его значительная заслуга передъ Дагестаномъ, откуда родомъ былъ онъ и самъ.

Какъ скромный труженикъ пера, покойный „Фани“ умеръ въ нуждѣ, оставивъ послѣ себя четырехъ малолѣтнихъ дѣтей и жену, безъ куска хлѣба.

лей медленный склонъ темно-синяго купола...

Спай поднялся вслѣдъ за мною.

— Куда вы, господинъ?

— Пройтись немного хочу.

— И я съ вами.

— А этотъ несчастный?—сказалъ я, указывая на плѣнника, привязаннаго теперь уже къ поясу спай.—Онъ едва на ногахъ стоитъ.

— Ничего... Онъ за нами поидеть...

Я зналъ по опыту, что возражать или спорить съ арабомъ, да еще съ спай, лишь тщетная трата силъ.

Мы пошли троємъ.

Черезъ нѣсколько минутъ спай, убійца и я были уже среди дюнъ.

Сиди-Масарли вскорѣ исчезло изъ виду.

Кругомъ насъ были пески, пески, глубокая тишина и безлюдье. Я думалъ о шумной столицѣ, отъ которой меня отдѣляли лишь нѣсколько дней ѣзды, и радъ былъ, что нахожусь въ новой для меня и столь необычной обстановкѣ. Фигуры моихъ спутниковъ придавали ей характеръ исключительной фантастичности: великолѣпный спай съ своимъ пурпурнымъ плащемъ, красными штиблетами и оружіемъ, и оборванный плѣнникъ, экстазисникъ, несмотря на веревку, имѣвшій видъ царствующей особы—оба удивительно гармонировали съ торжественнымъ величіемъ пустыни. Я одинъ былъ въ ней диссонансомъ.

Я думалъ объ этомъ и съ презрѣніемъ оглядывалъ свой европейскій костюмъ, когда изъ-за холма донесся тихій отчетливый звукъ. Точь-въ-точь монотонный ритмъ бубенъ. Среди сгущавшейся темноты этотъ заунывный звукъ производилъ жуткое впечатлѣніе. Я подумалъ, что играетъ незримый за холмомъ туземецъ и инстинктивно сжалъ рукою мой револьверъ въ карманѣ. Въ тогъ же мигъ и спай быстро повернулся въ сторону холма и насторожился. Звукъ бубенъ усиливался, они приближались къ намъ. И я ждалъ, что вотъ-вотъ сейчасъ на холмѣ появится какая-нибудь фантастическая фигура. Но никто не появлялся. Ритмичные удары бубенъ громко гудѣли совѣмъ близко отъ насъ.

Я вопросительно взглянулъ на мо-

ихъ спутниковъ. Спай не вслушивался больше. Онъ стоялъ, выпрямившись, заставъ, какъ на военномъ парадѣ. Лицо его выражало какую-то трагическую покорность. Убійца же улыбался. Я и сейчасъ еще вижу его бѣлые зубы. Чему онъ улыбался?

Звукъ бубенъ стали межъ тѣмъ замирать. Когда опять наступила тишина, я спросилъ:

— Кто это игралъ?

— Никто, господинъ. Это... музыка пустыни. Нынче ночью смерть придетъ въ Сиди-Масарли.

Я вздрогнулъ при покорно-убѣжденныхъ словахъ спай. Убійца все улыбался. Онъ выглядѣлъ теперь живѣе, бодрѣе и потъ не блестѣлъ больше на его лицѣ.

— Музыка пустыни?—повторилъ я.—Мнѣ приходилось слышать объ этомъ, но я никогда этимъ рассказамъ не вѣрилъ.

— Братъ мой впервые услышалъ эту музыку,—спокойно отвѣтилъ спай,—какъ разъ передъ тѣмъ, какъ получилъ солнечный ударъ. Я тоже впервые сегодня слышалъ ее...

— И вы вѣрите, что она вѣщаетъ близкую смерть?

— Какъ жр мнѣ не вѣрить? Я родился въ Сахарѣ, господинъ. Всѣ жители пустыни знаютъ, что это значитъ.

— Тогда, стало быть, одинъ изъ насъ?..

— Смерть придетъ нынче ночью въ Сиди-Масарли, господинъ. Это воля Аллаха. Благословенъ будь Аллахъ!

Мы подходили къ нашему ночлегу. — Скажите,—спросилъ вышедшаго къ намъ навстрѣчу хозяина *борджи*, никто не игралъ здѣсь на бубенкахъ?

Кривоглазый арабъ и слуги прислули со смѣхомъ:

— Бубны, здѣсь, въ Сиди-Масарли? Ха-ха-ха! И танцовщицы, быть можетъ? Господинъ не прочь бы поразвлечься? А? Фатма, Хаджа, Аиша?

При имени Аиша я быстро взглянулъ на убійцу. Но встрѣтилъ лишь крохотную улыбку его нѣжныхъ, покорныхъ глазъ, напоминавшихъ въ этотъ мигъ добровольную, вѣчно-любящую рабу...

Мои слуги приготовили мнѣ ужинъ и постель въ единственной комнатѣ

Из его произведений остались „Наставления отца“, издан. Г. В. Везировым за свой счет, маленькими книжечками, в 10 к. каждая; деньги от их продажи поступают исключительно в пользу семьи покойного „Фани“, по желанию и доброй воле издателя. **Раджаб Амирханов.**

Наши депутаты в 4-ой Государственной Думе.

Уже выяснились результаты выборов почти во всех губерниях и избранными мусульман от I. Уфимской губ. явились 1) Кутлуг-Мухамед Батыр-Гиреевич Тевкелев — уездный предводитель дворянства, 62-х лѣтъ; 2) Ибн-Аминь — Абуугутович Ахтямов, присяжный повѣренный 35 лѣтъ; 3) Абдуль Латифъ Хабибуллин Байтериков, 38 лѣтъ; II. Отъ Бакинской, Елизаветпольской и Эриванской губерній избраны: Мамед Юсуфъ Джафаров, присяжный повѣренный, 27 лѣтъ. Бывшій Членъ Г. Д. г. Хасъ Мамедовъ забаллотированъ. III. Отъ Дагестана избранъ докторъ медицины, Магометъ Магометовичъ Далгатъ, 66 лѣтъ. IV. Отъ Оренбургской губ. избранъ: Гайса Хамидуловичъ Еникъевъ, прогрессистъ, 48 лѣтъ, потом двор.

Бывшие же Члены Госуд. Думы 3-го созыва г. Гайдаровъ, г. Гаукаевъ и Муфтизадъ забаллотированы. Господитъ же Максудовъ былъ разъяренъ администраціею еще до избрания въ выборщики.

Такимъ образомъ наша Мусульманская фракція въ 4-ой Думѣ будетъ состоять всего на всего изъ шести Членовъ.

Не говоря о томъ, что означенная цифра отъ двадцати миллионовъ русскихъ мусульманъ — до боли смѣшна и жалка, мы лишились въ 4-ой Думѣ еще 4-хъ депутатовъ и во всемъ этомъ, на ряду съ 3-ею юнкскимъ безхвостьемъ, мы, мусульмане, виноваты сами. Мы спали и спимъ попрежнему.

Ей Богу же пора проснуться! *Ибрагимъ.*

Изъ печати.

„Нов. Вр.“ въ статьѣ А. А. Столыпина, наконецъ, открыто заявляетъ о трагическомъ положеніи Болгаріи, которую оно же подтолкнуло на войну: „Оставляя небольшие заслоны, турки стаялись со всѣхъ сторонъ къ Чатаалджѣ. Туда же направляются всѣ свѣжія силы изъ Константинополя. Численно эти силы очень велики, а запасъ для ихъ по-

для прѣзжихъ. Они сами должны были пріютить и на ночь въ сараѣ. Тамъ же отведенъ былъ ночлегъ и дл. солдата и его арестанта.

Я сидѣлъ уже за столомъ, когда уловилъ завистливый взглядъ стоявшаго въ дверяхъ спай. Я вспомнилъ его слова: „Нынче ночью смерть придетъ въ Сиди-Масарли“ и подумалъ, что три человѣка, слышавшіе вмѣстѣ музыку пустыни, не должны разсѣяться до утра. Я пригласилъ спай и его плѣнника раздѣлать со мной ужинъ, къ еле скрываемому негодованію моихъ слугъ, и провести ночь въ отведенной мнѣ комнатѣ.

Спай и убійца ѣли быстро и жадно. Глаза ихъ скоро ослосовѣли, и вѣки стали сплываться. Убійца спалъ уже за столомъ.

Спай улелся на полу, положивъ подъ голову свое одѣяло, которое привязано было къ его сѣдлу. Убійца прикурнулъ, какъ собака, въ углу. Едва спай закрылъ глаза, я бросилъ ему одно изъ своихъ одѣялъ. Несчастный опять улыбнулся своей кроткой улыбкой и укрылся съ головой.

Я заперъ дверь на ключъ и машинально, по привычкѣ, сунулъ ключъ въ внутренней боковой карманъ моей куртки. Положилъ спички подлѣ своей постели, погасилъ свѣчу и легъ, не раздѣваясь. Я чувствовалъ, что спать не буду: я былъ слишкомъ возбужденъ. Въ полной темнотѣ я слышалъ лишь тяжелое дыханіе моихъ спутниковъ и свистъ вѣтра за стѣною. Но слышалъ лишь нѣсколько мгновений. Сонъ скоро-скоро сковалъ мое тѣло.

Среди ночи мнѣ приснился сонъ. Не помню его точно, но мнѣ казалось во снѣ, что чьи-то пальцы осторожно ощупываютъ меня. Будто я умеръ, и врачъ положилъ руку на мое сердце, чтобы убѣдиться въ томъ, что оно не бьется больше. Потомъ пальцы осторожно, бережно соскользнули съ моей груди, и я еще крѣпче уснулъ. Проснулся я съ первымъ проблескомъ зари. Было холодно. Втретъ утихъ. Въ комнатѣ стояла глубокая тишина. Я не слышалъ даже дыханія моихъ товарищей. Неужели они уѣхали уже? — подумалъ я. Глубокая, тяжелая тишина комнаты стала смутно волно-

полненія почти неисчерпаемъ: теоретически допускается, что Турція можетъ собрать полтора миллиона войска, но принимая въ расчетъ все устройство ея военной администраціи, можно предполагать къ концу кампаніи возможность сосредоточенія арміи отъ семисотъ до восьмисоты тысячъ. Болгаріи же черпать больше неоткуда: отъ воинской повинности извлечены лишь министры, дипломаты и депутаты, а подъ оружіе призваны будущіе контингенты новобранцевъ до 1914 г., т. е. все населеніе старіе семнадцатилѣтняго возраста. Гибель болгарской арміи означала бы гибель всего болгарскаго народа (!).

Поэтому, какъ ни блестящи, какъ ни велики первые успѣхи болгарскаго оружія, было бы легкомысленно предаваться окончательной радости: болгарскимъ силамъ предстоятъ еще страшныя испытанія, имъ придется бороться съ численнымъ перевѣсомъ врага, охваченнаго отчаяніемъ. Вся надежда на военное искусство болгаръ, на ихъ великолѣпный командный составъ, на героическое одушевленіе всего народа.

Жаль этихъ молодыхъ поколѣній, этихъ еле подростшихъ юношей, брошенныхъ какъ послѣдній живой грузъ на всы военного счастья!

Потери болгаръ подлѣ Киркъ-Килиссе громадны, — ихъ даже скрываютъ, чтобы нотой унынія не омрачать торжества первой большой побѣды.

Вотъ она правда объ агоніи Турціи! „С.-П. В.“

Въ „Танинъ“ читаемъ: — **Раненый принцъ.** Поѣздъ привезъ въ нашъ городъ раненаго принца. Этотъ принцъ, съ львинымъ сердцемъ, бившійся грудъ о грудъ съ неприятелемъ, — капитанъ Абдуль-Галимъ эфенди, сынъ покойнаго Сулейманъ-эфенди.

Абдуль-Галимъ эфенди съ очень веселымъ видомъ привѣтствовалъ санитаровъ, спѣшившихъ ему на помощь, а также и войска и народъ, устроившихъ ему бурную овацію. Онъ говорилъ, что жажда борьбы съ врагомъ отечества еще не исчезла у него и что онъ непременно вернется на войну.

Принца на войну сопровождалъ евнухъ Феридъ-ага, его вѣрный дядька, который тоже раненъ.

Принцъ имѣетъ двѣ пулевья раны на бедра, которыя не такъ опасны для его жизни.

Константинопольскій корреспондентъ „Рус. Вѣд.“ рѣшительно опровергаетъ прочно установившееся мнѣніе объ опасности, угрожающей христіанамъ отъ раздраженнаго населенія Стамбула:

„О томъ взрывѣ мусульманскаго фанатизма, о злобѣ противъ инновѣрцевъ и иностранцевъ, о которыхъ пи-

вать меня. Было еще сумеречно, темно. Я протянулъ руку за спичками, но ихъ не оказалось подлѣ меня. Кто могъ ихъ взять? Сонливость моя мгновенно исчезла, я вспомнилъ вчерашній вечеръ, музыка пустыни вновь зазвучала въ моихъ ушахъ.

Я всталъ, направился въ уголъ, гдѣ лежалъ убійца, нагнулся и... нащупалъ камень... Стало быть уѣхали? Но ключъ былъ въ моемъ карманѣ... Или я опять его вынулъ передъ тѣмъ, какъ легъ? Я пошарилъ рукой въ карманѣ — ключа не было... Ощупью и спотыкаясь въ темнотѣ, я подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ спалъ солдатъ... На этотъ разъ я нащупалъ холодное, обнаженное тѣло. Спай былъ мертвъ.

На крики мои прибѣжали люди, выломали дверь, и въ зеленоватомъ свѣтѣ занимавшагося дня я увидѣлъ полуголаго спай съ перерѣзаннымъ горломъ. У ногъ его лежала куча тряпья, облекавшаго накануне его плѣнника.

Убійца, — Магометъ Буазизъ его звали, — въ красномъ плащѣ, и красныхъ штиблетахъ спай, съ саблей на боку и ружьемъ за спиной, мчался въ это время по пустынѣ, къ желанной свободѣ.

Шесть мѣсяцевъ спустя его арестовали предъ однимъ приморскимъ кафе въ Тунисѣ. Онъ смотрѣлъ въ дверь на дѣвушку, танцовавшую подлѣ звуку флейты, межъ двумя шеренгами арабовъ. Когда свѣтъ лампы упалъ на его лицо, танцовщица вскрикнула: — Магометъ Буазизъ!

— Аиша! Это погубило его.

Законъ отомстилъ за спай. И на этотъ разъ моего знакомаго изъ Сиди-Масарли повели уже не въ тюрьму, а въ открытое поле, со взводомъ солдатъ, въ тихій утренній часъ, когда солнце всходило...

сали здѣшніе корреспонденты (между прочимъ, и въ русской прессѣ), пока, по крайней мѣрѣ, не можетъ быть и рѣчи: это — или невѣжественныя, или злостныя измышленія. Населеніе держитъ себя прекрасно, и такія же вѣсти идутъ изъ провинціи“.

Баку. Разыгрывающіяся на Балканахъ событія сильно интересуютъ смѣшанное бакинское населеніе, которое относится къ войнѣ вдумчиво и сдержанно. Слишкомъ разнообразный племенной составъ мѣшаетъ выраженно опредѣленныхъ симпатій. Однако газеты, какъ русскія, такъ и выходящія на туземныхъ языкахъ, быстро расходятся.

Константинопольскія телеграммы поддерживаютъ въ мусульманскихъ массахъ надежду, что успѣхи славянскихъ армій временны, и когда турецкія боевыя силы сконцентрируются, то дадутъ отпоръ бурному и стремительному натиску балканскихъ армій. Поэтому всѣ ждутъ рѣшающаго развертыванія силъ, главнѣйшихъ боевыхъ моментовъ, которые создадутъ исходъ войны.

Пока же и Баку не остается безучастнымъ къ балканскимъ событіямъ: идутъ пожертвованія на Красный Крестъ, ѣдутъ добровольцы на Балканы...

Турецкое консульство также открыло приемъ пожертвованій на „Красный Полумѣсяцъ“ и запись добровольцевъ въ турецкую армію, а также ведетъ строгій учетъ всѣмъ турецко-подданнымъ-запаснымъ, проживающимъ въ Баку и Бакинской губ. Многіе турецко-подданные запасные и добровольцы-мусульмане уже выѣхали въ Турцію.

Въ № 245 „С.-Петерб. Вѣд.“ отъ 31-го октября сего 1912 г. въ статьѣ „Газаватъ и русскіе мусульмане“ г. Черноземецъ, приводя бесѣду со мною — передалъ ее точно только въ той части, которая касается горцевъ Дагестана. Въ остальной же части, т. е. той, въ которыхъ говорится о татарахъ, онъ искажилъ точность моихъ мыслей и фразъ. Къ тому же я долженъ заявить, что политическая сторона жизни мусульманъ Россіи, въ своей бесѣдѣ съ г. Черноземцемъ (сотрудникъ газетъ) я коснулся лишь очень слегка, а о „газаватѣ“ же говорилъ только съ точки зрѣнія интеллигентнаго человѣка.

Что же касается моей общественной работы, то ее я дѣйствительно посвящаю сейчасъ, какъ по отношенію родного Дагестана, такъ и всѣхъ мусульманъ, исключительно направляя ее въ сторону пробужденія въ русскихъ мусульманахъ общественнаго самосознанія, дабы путемъ ясно сознанныхъ интересовъ своихъ принять организаванное участіе въ разрѣшеніи общественно-политическихъ вопросовъ нашей жизни и государства вообще.

Редакторъ-изд. *Сандъ-Габиевъ.*

О бойкотѣ.

Намъ сообщаютъ, что мусульмане Крыма рѣшили бойкотировать газету „Русское Слово“ за ея чловѣконенавистническое направленіе.

Таковой бойкотъ, какъ сообщаютъ, крымскіе мусульмане хотятъ предложить и остальнымъ мусульманамъ Россіи.

На Красный Полумѣсяцъ.

Всѣ пожертвованія на турецкій Красный Полумѣсяцъ принимаются въ Турецкомъ Посольствѣ въ г. С.-Петербургѣ.

Адресъ: С.-Петербургъ, Дворцовая набережная, Ея Превосходительству Мадамъ Турханъ-паша.

Мусульмане! Десятки тысячъ раненыхъ лежатъ на поляхъ сраженій на Балканахъ, не получая санитарной помощи. Неразлучные спутники войны, вороны и шакалы саями терзаютъ еще живыхъ, но раненыхъ людей. Вспомните же ихъ, этихъ несчастныхъ и придите на помощь, кто чѣмъ можетъ. Каждая копейка, каждый лоскутокъ принесутъ свою пользу.

Не стѣсняйтесь, посылайте посылку ленту.

ХРОНИКА.

Переходъ въ магометанство. По словамъ татарскихъ газетъ, за послѣдніе три года въ закаспійской и ферганской областяхъ перешли въ магометанство 490 бухарскихъ евреевъ.

На библиотеку-читальню. Керченскіе мусульмане собрали солидную сумму денегъ на открытіе въ Керчи русско-татарской библиотеки-читальни. Открытіе послѣдней состоится на-дняхъ.

Императорскій Турецкій посолъ въ С.-Петербургѣ увѣдомилъ Императорское министерство иностранныхъ дѣлъ о рѣшеніи турецкаго военнаго министерства принять ходатайства всѣхъ иностранныхъ врачей-хирурговъ или санитаровъ, которые выразили бы желаніе безвозмездно (à titre honoraire) служить въ Красномъ Полумѣсяцѣ въ походныхъ лазаретахъ или военныхъ госпиталяхъ Константинополя и Салоники.

Съ войны.

Армія рѣшила сопротивляться до конца. Назимъ-паша увѣдомилъ великаго визиря Кіамиль-пашу, что въ арміи возможенъ бунтъ, если Порта заключитъ миръ.

Престарѣлый Кіамиль-паша, когда были получены извѣстія о пораженіи при Чорду, сказалъ только: „Я предпочелъ бы умереть до этого“.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ. (Срочная). Шейхъ Уль-Исламъ объявилъ священную войну.

БЕРЛИНЪ, 26 октября. Изъ Константинополя сообщаютъ о побѣдѣ турокъ подлѣ Скутари.

Нападеніе 5.000-наго отряда черногорцевъ отбито. Черногорцы насчитываютъ 1.500 убитыхъ и 600 чловѣкъ плѣнныхъ.

Мотивы Порты.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ, 25. Штабной генералъ Махмудъ паша, прибывшій сегодня изъ Чатаалджи, сообщилъ Кіамиль-пашѣ, что обращеніе турецкаго правительства къ державамъ съ просьбою о посредничествѣ произвело очень плохое впечатлѣніе на армію. Турецкая армія, по словамъ Махмудъ-паши, рвется въ бой.

Населеніе Константинополя также очень недовольно желаніемъ правительства заключить миръ, и, по всей вѣроятности, Порта возьметъ обратно свою просьбу къ державамъ.

ВЪНА, 25. Махмудъ-Шефкетъ-паша сообщилъ правительству, что онъ считаетъ позиціи при Чатаалджѣ, которыя лихорадочно укрѣпляются, обезпеченными для продолжительной обороны и обязуется достигъ благоприятнаго поворота военныхъ дѣйствій.

Секретное порученіе.

КАИРЪ, 27 октября. Прибылъ съ секретнымъ порученіемъ сынъ великаго визиря Кіамиль-паша.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ, 26 октября. Въ виду неудовольствія, вызваннаго неспособностью командующаго восточной арміей Абдула-паши, онъ оставляетъ свой постъ; на его мѣсто назначается Фуадъ-паша, ветеранъ русско-турецкой войны.

Генералъ Татаръ-Османъ-паша назначается на мѣсто уволеннаго Азиса-паши, командовавшаго корпусомъ.

Генералъ-симусъ Назимъ-паша выказалъ большое мужество въ битвѣ при Лозе-Бургабѣ, руководя лично атакой въ первыхъ рядахъ и удостоился поздравленія султана.

Въ настоящее время Назимъ-паша старается возстановить армію, выигрывая время до прихода подкрѣпленной Чернымъ моремъ, состоящихъ изъ редифовъ и низама изъ Эрзерума и курдской кавалеріи.

Всѣ свободныя части отправляются отсюда въ армію.

Махмудъ-Шефкетъ-паша назначенъ генералъ-инспекторомъ восточной арміи.

Изъ Скопле телеграфируютъ: къ Дебре (Дибрѣ) — центру Албаніи — стянуты турецкіе отряды, оставшіе Призрѣвъ, Дяковицу, Качаникъ, Тетово. Главныя силы Зекки-паши, сосредоточенныя доселѣ въ Монастѣрѣ, начали также отступленіе къ Дибрѣ. Однихъ арнаутовъ эти соединенныя силы насчитываютъ нѣсколько десятковъ тысячъ. Говорятъ, что вооружены даже женщины.

Гористая малознакомая мѣстность въ связи съ наступленіемъ холодовъ препятствуетъ наступленію широкимъ фронтомъ. Въ силу этого здѣсь кампанія затянется. Союзникамъ придется продолжать неимоверныя затрудненія.

КАИРЪ, 24. 50 лазаретныхъ врачей и санитарный отрядъ египетскаго „Краснаго Полумѣсяца“ отправлены въ Константинополь. Магометъ-Али-паша, братъ хедива, прибылъ на вокзалъ, чтобы проводить отъѣзжающихъ.

Чего хочетъ Англія? — Въ дипломатическихъ кругахъ Вѣны придаютъ очень большое значеніе послѣдьяго числа военныхъ англійскихъ судовъ въ воды Ближняго Востока. Утверждаютъ, что это предпринято Англіей съ цѣлью удержать болгарскія войска отъ вступленія въ Константинополь и ясно показать болгарскому правительству, что въ случаѣ, если болгарскія войска все же войдутъ въ Константинополь, — онѣ должны будутъ только пройти сквозь него и немедленно же его эвакуировать.

Притокъ добровольцевъ въ турецкую армію. — По сообщенію „Jeune Turc“, Галибъ-бей, эксъ-депутатъ Цезарей, прибылъ въ Константинополь въ солдатскомъ мундирѣ. Онъ — отставной полковникъ генеральнаго штаба, но желаетъ служить своей странѣ простымъ рядовымъ. Онъ прѣхалъ изъ Цезарей въ сопровожденіи нѣсколькихъ нотаблей этого города, вступившихъ въ армію добровольцами. Городъ Цезарей собралъ на военныя нужды 10.000 турецкихъ фунтовъ, которые уже переданы въ военное министерство.

Изъ Цезарей выступилъ отрядъ добровольцевъ въ 10.000 чловѣкъ. Населеніе санджака взяло на себя расходы на содержаніе этого отряда.

Помимо того, 300 мусульманокъ Цезарей изъявили согласіе служить сестрами милосердія въ госпиталяхъ отряда.

Въ Симлѣ, въ Индіи, вѣсти о войнѣ на Балканахъ производятъ сенсацию среди мусульманъ. Въ Дѣли и Бомбей мусульмане собрали 375.000 франковъ въ пользу Краснаго Полумѣсяца.

Египетъ.

КАИРЪ. Египетскій комитетъ оттоманскаго военнаго фронта отправилъ въ Турцію 20.000 египетскихъ фунтовъ.

Лордъ Китченеръ пожертвовалъ въ пользу Краснаго Полумѣсяца 100 фунтовъ, подписавшись: „Китченеръ-паша“.

Съ 1912 года Императорскимъ Обществомъ Востоковѣдѣнія издается журналъ

„МІРЪ ИСЛАМА“.

Журналъ посвящается изученію мусульманской культуры, какъ сложнаго историческаго явленія, не объясняемаго исключительно вліяніемъ религіозныхъ догматовъ и предписаній и старается выяснитъ всѣ тѣ культурныя вліянія и тѣ политическія, экономическія и другія причины, которыми, помимо созданнаго религіей отвлеченнаго идеала, опредѣлялась и опредѣляется дѣйствительная жизнь мусульманскихъ народовъ.

Въ теченіе перваго года будутъ выпущены четыре книжки, книжки, размѣромъ не менѣе 7 печатныхъ листовъ каждая, и, какъ отдѣльное приложение, переводъ одного изъ произведеній мусульманской юридической или публицистической литературы, дающихъ понятіе о правовыхъ возрѣвнѣяхъ современнаго мусульманскаго общества.

Подписная цѣна — 5 рублей.

Руководятъ журналомъ: проф. Бартольдъ и Шмидтъ.

Цѣна отдѣльнаго № — 1 р. 50 к.

Адресъ редакціи С.-Петербургъ, Свѣчной, 6.

Телеф. 432—43.

Опытный репетиторъ-мусульманинъ готовитъ во всѣ учебныя заведенія за умѣренную плату.

